

М. А. Воскресенская

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЭЛИТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается феномен «нового религиозного сознания» как воплощение духовных исканий российской культурной элиты рубежа XIX–XX вв. Показано, что его генезис связан с одновременным неприятием как обветшалого церковного догматизма, так и атеистических воззрений. Автор приходит к выводу, что религиозная философия Серебряного века носила антропологический характер. Человек рассматривался в ней как реальный воплоитель божественного замысла совершенствования мира.

М. Voskresenskaya

SPECIFIC CHARACTER OF THE RELIGIOUS OUTLOOK OF THE RUSSIAN CULTURAL ÉLITE AT THE TURN OF THE 20th CENTURY

The article features the “new religious consciousness” as realisation of the Russian cultural élite’s spiritual demands at the turn of the 20th century. The genesis of this phenomenon is interpreted to be connected with the denial of both obsolete church dogmatism and atheistic views. The author arrives at the conclusion that the religious philosophy of the Silver Age had human purport. It was man who was regarded as the executor of the Creator’s design for perfecting of the universe.

Мировидение творцов Серебряного века – культурной элиты российского общества рубежа XIX–XX столетий – формировали характерные для духовной ситуации

времени ментальные процессы: охватившее человека переломной эпохи чувство внутренней дисгармонии, ощущение катастрофичности жизни, ее подчиненности

буйству неведомых стихий, вызванное новейшими научными открытиями и неотвратимо надвигавшимися социальными катаклизмами, осознание исчерпанности исторически сложившихся форм религии, отказ от радикалистских политических взглядов, неприятие утилитарных установок вульгарного материализма. Мироощущение той эпохи выразительно передано в одной из статей А. Белого: «Мы переживаем кризис. Никогда еще основные противоречия человеческого сознания не сталкивались в душе с такой остротой; никогда еще дуализм между сознанием и чувством, созерцанием и волей, личностью и обществом, наукой и религией, нравственностью и красотой не был так отчетливо выражен» [2, с. 210].

Канун, рубеж — исторический и духовный, время, когда «что-то в России ломалось» [11, с. 54], мыслилось прологом к какому-то грандиозному крушению и вселенскому перерождению. Произошла кардинальная переориентация культуры в сторону внутреннего пространства человека и метафизических проблем бытия. Внезапно открывшееся неисчерпаемое многообразие мира, его непостижимая многомерность, многоаспектность изменяли пространственно-временные представления и всю прежнюю картину мира, которая не ограничивалась более пределами видимой, чувственно осязаемой действительности. В сознании человека рубежной поры (во всяком случае, в сознании культурной элиты) каждое событие современности стало рассматриваться на фоне Вечности, а все явления бытия начали выходить за рамки повседневного, обыденного, разрастаясь до космических масштабов и включаясь в контекст абсолютных начал, простирающихся вне конкретного времени и пространства.

Порождением духовной атмосферы рубежа XIX—XX вв. стала амбивалентность мирозерцания, столь характерная для культурной элиты того времени. Картина мира Серебряного века была исполнена

стремления к целостности бытия. Ни сциентизм, ни религиозная ортодоксия в своих крайностях не позволяли испытать ощущение полноты жизни. Во всяком случае, с точки зрения человека той поры. В его культурном сознании различные способы миропостижения вполне органично дополняли друг друга. В творцах Серебряного века сочетались европейская образованность, сформировавшая умы на основе научного мировоззрения, и мифопоэтическое переживание действительности. Университетское образование предопределило специфику мышления культурной элиты: философствование оказалось чрезвычайно востребованным в среде читающей и мыслящей публики. Особенно органичны мироощущению Серебряного века рефлексии в иррациональном ключе. Кризис научной картины мира, неудовлетворенность ее ограниченными возможностями побудили заново переоценить эпистемологический потенциал мифосознания. Человек рубежной поры, даже если он не приходил к вере и оставался чужд откровенной мистике, все же обретал многомерное мировидение, ощущал присутствие в Универсуме иной реальности, неких непостижимых материалистически, но определяющих все человеческое существование измерений бытия. Приметой времени стал повышенный интерес к мистике и оккультным практикам. Теософские построения Е. П. Блаватской, эзотерические эксперименты Г. И. Гурджиева, экстатические озарения Гр. Распутина, широко распространенные спиритические сеансы воспринимались как своеобразные формы сверхчувственного познания, к ним испытывали доверие.

В мирозерцании культурной элиты выразила себя сама историческая эпоха. По замечанию Н. А. Бердяева, «основная тема русской мысли начала XX века есть тема о божественном космосе и о космическом преображении, об энергиях Творца в творениях; тема о божественном в человеке, о творческом призвании человека и смысле культуры; тема эсхатологическая, тема фи-

лософии истории» [7, с. 260]. На грани веков мировосприятие культурной элиты освобождалось от гнета социальности и утилитаризма, и этот процесс сопровождался полным и всеохватным пересмотром ценностей и установлений, созданных рационалистически и материалистически ориентированным сознанием. Г. В. Флоровский отмечал в своих воспоминаниях: «“Конец века” означал в русском развитии рубеж и начало, перевал сознания. Изменяется самое чувство жизни. В те годы многим вдруг открывается, что человек есть существо метафизическое... В мире тоже открывается глубина... Религиозная потребность вновь пробуждается в русском обществе» [17, с. 452]. При этом религиозность трактовалась деятелями «русского духовного ренессанса чрезвычайно широко: как признание существования идеальной основы мира вообще, без учета различий между традиционными типами вероисповедания, различными формами внеконфессионального религиозно-мистического опыта, разнообразными вариантами философского осмысления вопросов веры. Характеризуя среду культурной элиты рубежа XIX–XX вв., Ф. А. Степун подчеркивал: «Их единство держалось борьбой за свободу личности и свободу творчества, за новую, если и не подлинно христианскую, то все же, так сказать, духоверческую культуру» [17, с. 206–207]. Все их творческие помыслы — философские, литературные, художественные — были проникнуты духовным стремлением прорваться «a realia ad realiora» — «от реального к реальнейшему», к идеальной сущности мира [12, с. 227, 305].

Обращение к метафизическому опыту стало альтернативой «позитивному» знанию, которое оказалось не в силах раскрыть тайных связей и соответствий, пронизывающих мироздание, судеб человечества, смысла и конечных целей истории. Ощущение внезапно открывшегося неисчерпаемого многообразия мира порождало скептическое отношение к науке, стимулировав поиски иных способов позна-

ния. Научное познание не отрицалось полностью, но вместе с тем очень остро ощущалась его ограниченность пределами видимого, чувственно осязаемого мира, в то время как помыслы многих современников рубежной поры были обращены к миру надприродному. «Природа — лишь эмблема подлинного, а не само подлинное», — заявлял А. Белый [3, с. 21].

Безусловной реальностью в представлениях творцов Серебряного века обладает лишь абсолютное, лежащее за гранью бытия, вне пределов мира утилитарных ценностей и социальной необходимости. Одним из первых, еще в начале 1890-х гг., против «удушающего мертвенного позитивизма» выступил Д. С. Мережковский: «Наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего *материализма* и вместе с тем самых страстных *идеальных* порывов духа. Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний» [15, с. 212]. В начале нового столетия эту мысль развил А. Белый: «Еще недавно думали — мир изучен. Всякая глубина исчезла с горизонта. Простиралась великая плоскость. Не стало вечных ценностей, открывавших перспективы. Все обесценилось. Но не исчезло стремление к дальнему в сердцах. Захотелось перспективы. Опять запросило сердце вечных ценностей» [4, с. 244].

Рациональное знание, по мнению культурной элиты Серебряного века, не решает актуальных вопросов духовного существования человека, так как не идет далее непосредственно воспринимаемой природы вещей и явлений. Абсолютизовав реалии внешнего, материального опыта, оно отбросило опыт внутренний, мистический. Мирозерцание, заключенное в границы чувственно осязаемой действительности, своим отказом от Божественного откровения спровоцировало жесточайший духов-

ный кризис, в который ввергнута современная цивилизация, и это очень остро ощущали многие в начале XX столетия. Итогом развития европейской культуры стал глубокий аморализм, в условиях которого особенное звучание приобрела мысль Ф. М. Достоевского о том, что если Бога нет, то все дозволено и мир не узнает спасения. Д. С. Мережковский убеждал: если Христос не воскрес, человечеству «не на что надеяться, не во что верить, нечего любить», тогда человечество обречено, а «закон смерти непобедим» [13, с. 15].

Выход из кризиса Серебряный век искал на путях иррациональных, однако его мистический опыт не ортодоксален. Д. С. Мережковский выразительно обозначил болезненный диссонанс, которым было отмечено мировосприятие человека рубежной поры: «Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить» [15, с. 212]. На рубеже веков сложилась парадоксальная духовная ситуация, когда в одно и то же время и «Бог умер», и «материя исчезла». В менявшихся социокультурных условиях традиционный религиозный догматизм явно изживал себя, приходил в противоречие с самим духом времени, но, с другой стороны, и откровенный атеизм уже выходил из моды.

«Русский религиозно-философский ренессанс» возник на основе переосмысления базовых принципов мировидения части образованного общества конца XIX — начала XX столетий. На рубеже веков в среде культурной элиты начинает складываться критическое отношение к «историческому» христианству и традиционному православию с одновременным неприятием привычного интеллигентского атеизма и материалистического миропонимания. «Мир объектов, мир феноменов с царствующей в нем необходимостью — лишь внешняя сфера, но за ним скрыта глубина связи с Богом», — так выражал миропредставления творцов Серебряного века Н. А. Бердяев [10, с. 300]. Отказ от атеизма означал

не просто автоматическое возвращение интеллигенции в лоно церкви: «Интеллигенция возвращалась в церковь с ожиданием реформ. Психологически на этом делалось ударение», — подчеркивал Г. В. Флоровский [17, с. 475].

Свои искания и стремления в религиозно-мировоззренческой сфере культурная элита определила как «новое религиозное сознание». Нередко в качестве его синонимов употреблялись понятия «неохристианство» и «богоискательство». Феномен «нового религиозного сознания» несводим к какому-то единому учению, монолитной доктрине. «Новое религиозное сознание» — это общая умонастроенность культурной элиты конца XIX — начала XX вв., выразившая себя в совокупности различных идей и концепций религиозно-философского характера, отмеченных творческим подходом к церковной догматике и критичностью по отношению к «историческому» христианству, которое адепты «неохристианства» сочли необходимым привести в соответствие с современной им действительностью. С помощью «нового религиозного сознания» надеялись преодолеть пороки официальной церкви, не имевшей, по мнению «неохристиан», «своего положительного общественного идеала» [5, с. 7]. Согласно Н. А. Бердяеву, «новое религиозное сознание» было призвано бороться против самых негативных факторов, приведших многих к мировоззренческому кризису: «1) старой, омертвевшей Церкви, старого... религиозного сознания и освященной им государственности; 2) позитивизма и атеизма, старого рационалистического сознания и освященной им социал-демократической лже-религии; 3) анархического иррационализма, хаотической мистики и основанного на них общественно-нигилизма» [5].

Традиционно сложившаяся религия, с точки зрения культурной элиты, перестала отвечать требованиям дня, а Русская Православная церковь утратила доверие в обществе, скомпрометировав себя союзом со

светской властью и своей оторванностью от жизни мирян. Д. С. Мережковский и его ближайшее окружение претендовали на создание обновленной, надконфессиональной религиозной системы – Церкви Третьего Завета, или Новой Церкви Святого Духа. При этом под церковью понималась не религиозно-иерархическая организация, учреждение, а некое духовное сообщество. Исходя из убеждения в том, что «историческое» христианство исчерпало себя, реформировать официальную церковь он считал бессмысленным, так как это лишь усилило бы порабощение религии государством. «Век реформации для христианства прошел и не вернется, – убеждал Д. С. Мережковский, – наступил век революции: политическая и социальная – только предвестие последней, завершающей, религиозной» [15, т. 16, с. 92]. Другие мыслители «русского ренессанса» в итоге сложной духовной эволюции вернулись к православия, при этом глубоко философски его переосмыслив.

На пути переустройства религиозной сферы творцы Серебряного века пытались решить актуальные вопросы непростой исторической ситуации рубежа XIX–XX вв., в том числе – проблемы социальной справедливости и общественного реформаторства. Они уповали на грядущую замену земной государственной власти свободным религиозным союзом, основанным на всеобщей любви и нетерпимости к насилию [1, с. 3–10]. Д. С. Мережковский настаивал: «Для нас, вступающих в Третий Завет, в Третье Царство Духа, нет и не может быть никакого положительного религиозного начала в государственной власти» [14, с. 95]. Несмотря на всю свою оппозиционность традиционно сложившимся церковным устоям, он все же обращался к церкви с призывом: «...Необходимо, чтобы русская церковь, сознательно порвав связь с отжившими формами русской самодержавной государственности, вступила в союз с русским народом и с русской интеллигенцией и приняла активное участие в борьбе за великое

общественно-политическое обновление и освобождение России» [16, с. 68]. При этом акцент ставился не на разрушительных, а на созидательных потенциях освободительного движения: «Провозгласить анархию – это еще не значит провозгласить теократию. Уйти из государства – это еще не значит войти в теократию. Анархия во имя свободы *без любви* есть путь не к божественному порядку, а к бесовскому хаосу» [14, с. 99].

«Неохристианам» представлялся несостоятельным также чрезмерный аскетизм «исторического» христианства, забвение им «земного и плотского». З. Гиппиус подчеркивала: «Подлинность и святость “исторической” христианской церкви никем из нас не отрицались. Но вопрос возникал широкий и общий: включается ли миркосмос и мир человеческий в зону христианства церковного, то есть христианства носимого и хранимого реальной исторической церковью?» [11, с. 71]. В установках «нового религиозного сознания», вопреки христианскому учению о первородном грехе, плоть не признавалась греховной. Ставилась проблема уравнивания в статусе небесного и земного, духовного и телесного начал. Д. С. Мережковский, к примеру, прямо называл земные и небесные ипостаси бытия «равно-святыми», «равно-божественными» [16, с. 66]. Мирское, с точки зрения «неохристиан», нельзя отвергать, так как Бог не может быть внешним миру, он воплощен во всем универсуме, в том числе – в проявлениях плоти.

Реформистские идеи «неохристианства» так и не вылились в программу реального переустройства религиозной жизни. Практическая активность его адептов ограничивалась обсуждением проблем «нового религиозного сознания» на заседаниях Религиозно-философских собраний и обществ, на страницах журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», в публикациях издательства «Путь». Однако благодаря этой деятельности во весь голос заявила о себе оригинальная русская религиозно-философская мысль.

На теоретиков «нового религиозного сознания» — Д. С. Мережковского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и др. — заметное влияние оказала русская религиозная философия XIX в.: нравственно-этические и общемировоззренческие взгляды славянофилов, Ф. М. Достоевского и особенно В. С. Соловьева. В трудах мыслителей «русского ренессанса» получила развитие центральная тема соловьевской философии — идея Богочеловечества. В учении о путях к нему и о достижении «положительного всеединства» мировая история интерпретируется как процесс одухотворения человека, наполнения его божественным содержанием.

Концепция Богочеловечества сложилась на основе переосмысления христианства, которое стало восприниматься верой не только в Бога, но и в человека. Эту мысль подчеркивал Н. А. Бердяев, анализируя проблематику русской религиозной мысли, начавшей складываться еще до эпохи «ренессанса» рубежа XIX—XX веков: «Проблема о человеке стоит в центре нового сознания. И нужно было начать раскрывать христианское учение о человеке, о его призвании в мире. Нужно было больше раскрыть, что христианство есть религия Богочеловечества, сделать выводы из христологического догмата. Человеческая сторона в жизни Церкви была подавлена в прошлом и недостаточно раскрывалась человеческая активность. В православии был монофизитский уклон. Его нужно было преодолеть» [6, с. 11]. Взгляды религиозных мыслителей XIX — начала XX вв. отражали важнейший момент в духовной истории страны: возраставший статус человеческой личности в социокультурных представлениях российского общества.

Формирование вселенской духовной общности — Богочеловечества — не связывалось ими с какой-то безликой, тоталитарной массой. Скорее эта общность в их философских построениях предстает как некая универсальная сверхличность, соборно сопрягающая в себе бесконечное

множество индивидуальных сознаний, связанных не только друг с другом, но и со всеми элементами Универсума. Н. А. Бердяев подчеркивал: «Соборность не есть коллективная реальность, стоящая над человеком и ему повелевающая, а есть высшее духовное качество людей» [10, с. 229]. Мыслители Серебряного века, вслед за одним из своих духовных предтеч А. Хомяковым, под соборностью понимали «братство людей во Христе» [10, с. 229]. В такой направленности мышления по-своему отразилась одна из принципиальнейших установок социальной психологии творцов Серебряного века: осознание самоценности человеческой индивидуальности, ее неразстворимости в каких-либо коллективных образованиях. Н. А. Бердяев выражал убеждение: «Человек — микрокосм и микрокосмос, в глубине человека совершается мировая история, слагаются и разлагаются общества...» [10, с. 228–229].

Главным событием евангельской истории являлось слияние божественной и человеческой природы в лице Иисуса Христа. Тот же процесс, согласно убеждениям «неохристиан», должен произойти в результате исторического движения на уровне человечества в целом. Конечной целью истории мыслится эсхатологический исход: духовное перерождение мира и достижение тем самым Царства Божия. Содержание всемирно-исторического процесса — это путь «от Первого пришествия ко Второму, от Богочеловека через всечеловечество (вселенскую культуру) к Богочеловечеству» [16, с. 64]. Человеку отводится в этом процессе роль и ответственность не меньшая, чем Богу. Именно он своей творческой волей должен привести человечество и весь мир в соответствие с божественными заветами. Н. А. Бердяев размышлял по этому поводу: «“Да придет Царствие Твое”. Это значит, что в этом мире нет еще Царства Божьего, Царство Божье ожидается и к нему лишь идут. ...Но Царство Божье не только ожидается, оно и творится. ...Бог не понят человеком, Бог ждет от человека

дерзновенного творческого ответа... от человека зависит не только человеческая судьба, но и божественная судьба» [8, с. 206]. Подобным образом рассуждал и Д. С. Мережковский: «*Да будет воля Твоя на земле, как на небе.* То, что воля Отца совершается на небе, было понято и принято историческим христианством с бесконечной глубиной и ясностью религиозного сознания. Но что воля Отца должна совершаться не только на небе, но и на земле — *на земле как на небе*, — это хотя тоже было принято, но не понято...» [16, с. 61].

Опыты философского переосмысления христианского вероучения, факты творческого обращения с догматикой весьма показательны. Они выразительно иллюстрируют образ мыслей культурно-исторической эпохи Серебряного века с ее апологетикой Творчества, трактуемого чрезвычайно широко и многоаспектно [9, с. 254–580]. Предчувствие неотвратимо приближающихся социальных катаклизмов, ощущение бесконечной многомерности мира, его

неподвластности редуцирующим рационально-логосным способам постижения вкупе с активно заявившим о себе процессом эмансипации личности в российском обществе *fin de siècle* обусловили формирование жизнетворческих устремлений, антропологическое истолкование религиозного чувства. В философии «русского религиозного ренессанса» человек был переосмыслен как реальный воплотитель мироустроительных замыслов Творца.

Духоверческие интенции эпохи заявили о себе не только в рамках того явления, которое позиционировало себя как «неохристианство», но и в широком русле внеконфессиональных рефлексий религиозной и идеалистической философской мысли, от теософии и космизма до «богостроительства». При всей пестроте этих идейных течений, их объединяли с «новым религиозным сознанием» поиски путей духовного пересоздания мира в противовес проектам социального переустройства общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аскольдов С. А.* О старом и новом религиозном сознании // Записки Санкт-Петербургского Религиозно-Философского общества. — СПб.: Б. и., 1908. — Вып. 1.
2. *Белый А.* Кризис сознания и Генрик Ибсен // Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994.
3. *Белый А.* Символизм // Белый А. Луг зеленый: Книга статей. — М.: Альциона, 1910.
4. *Белый А.* Символизм как миропонимание // Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994.
5. *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. — СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1907.
6. *Бердяев Н. А.* О характере русской религиозной мысли XIX века // Н. Бердяев о русской философии. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — Ч. 2.
7. *Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990.
8. *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). — М.: Книга, 1991.
9. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989.
10. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство Кесаря // Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Республика, 1995.
11. *Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский // Серебряный век. Мемуары. — М.: Известия, 1990.
12. *Иванов В. И.* Две стихии в современном символизме // Иванов В. И. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. — СПб.: Оры, 1909.

13. *Мережковский Д. С. Меч* // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: В 24 т. – Т. 13.
14. *Мережковский Д. С. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н. А. Бердяеву)* // Мережковский Д. С. Больная Россия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
15. *Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы* // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: В 24 т. – М.: И. Д. Сытин, 1914. – Т. 18.
16. *Мережковский Д. С. Теперь или никогда* // Мережковский Д. С. Больная Россия.
17. *Флоровский Г. Пути русского богословия.* – Вильнюс: Б. и., 1991.